

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ

1901.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1901.

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

IV. Нравственная характеристика нашего общества. Отцы.

Выяснивъ влиянія, подъ которыми происходило образованіе современнаго кодекса нравственности, посмотримъ теперь, въ какихъ чертахъ изображаетъ ее новѣйшая художественная литература.

По теоріи шестидесятниковъ и всѣхъ вообще проповѣдниковъ естественной нравственности, нравственность вообще не имѣетъ въ душѣ особаго органа въ совѣсти, какъ объ этомъ учитъ религія, а находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ разсудка. Чѣмъ умнѣе и образованнѣе человѣкъ, тѣмъ лучше и яснѣе онъ сознаетъ пользу и необходимость разумнаго эгоизма и, заботясь о своихъ интересахъ, устраивая свое личное счастье, тѣмъ искуснѣе будетъ соразмѣрять его и съ обстоятельствами и съ чужими интересами, такъ какъ лишь при условіи общаго правильнаго устройства жизни и частные интересы получать и наиболѣе широкое развитіе, и наиболѣе надежное огражденіе. Само собою разумѣется, по этой теоріи, что чѣмъ умнѣе и образованнѣе люди, тѣмъ они разумнѣе и цѣлесообразнѣе устраиваютъ и свою и чужую

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душепол.* Чтенія 1901 г.

жизнь и, слѣд., тѣмъ они и нравственныѣ. И по теоріи Ницше, какъ утверждалъ недавно одинъ профессоръ въ публичной лекціи, посвященной этому философу, ¹⁾ «только улучшение и усовершенствованіе человѣка путемъ знанія должно быть основою нравственности. Во главѣ общества, такимъ образомъ, должна стоять умственная аристократія, аристократія ума и таланта—имѣнно она и должна представлять собою лучшихъ, наиболѣе нравственныхъ его членовъ. И въ литературѣ нѣтъ недостатка въ типахъ, изображающихъ этихъ аристарховъ общества. Съ нихъ поэтому мы и начнемъ нравственную характеристику нашего общества. Типы ученыхъ профессоровъ выведены, напр., въ романѣ г. Гнѣдича «Туманы», въ романѣ г. Станюковича «Жрецы», въ повѣстяхъ и разсказахъ Тимковскаго, Гарина и друг., въ очеркахъ г. Вересаева «Записки врача» («Міръ Божій», 1901 г., январь и дал.), въ романѣ г. Потапенко «Встрѣча», въ комедіи Ант. Чехова «Дядя Ваня» и другихъ. Присоединимъ къ этому также типъ ученой женщины изъ романа г. Боборыкина «Переваль». Посмотримъ же, какъ изображаются они въ литературѣ и оправдываютъ ли они своею жизнью теорію морали шестидесятниковъ.

Въ «Тумавахъ» г. Гнѣдича выводится, въ качествѣ одного изъ главныхъ персонажей, высокочинный петербургскій профессоръ-медикъ Бахаревъ. Это—не только ученѣйшій профессоръ, но и всеевропейская знаменитость, чье имя произносится чуть не съ благоговѣніемъ, членъ двадцати трехъ ученыхъ обществъ. Для него наука—все: онъ живетъ наукою, хотя и женатъ, превозноситъ науку и не признаетъ ничего кромѣ науки. По убѣжденіямъ онъ чистѣйшій матеріалистъ: ко всякой «метафизикѣ» онъ относится съ яростной враждой и только предъ смертію чувствуетъ, что есть вѣчность.—Но этотъ, живущій въ мірѣ

¹⁾ „Ницше какъ моралистъ“. Публичная лекція проф. В. Чижа 23 февраля въ аудиторіи Историческаго Музея въ Москвѣ.

чистой науки, профессоръ обазывается при всемъ томъ необыкновенно практичнымъ. Онъ чрезвычайно любитъ славу, чины и медали (которые ежедневно и тщательно моетъ, чиститъ, любитъся на нихъ и хранить въ футлярахъ), имѣетъ хорошую казенную квартиру, заводы на Уралѣ и массу процентныхъ бумагъ. Своихъ товарищей по службѣ онъ умѣетъ держать въ черномъ тѣлѣ; за студентами, когда ему это нужно, ухаживаетъ и говорить имъ громкія слова, а когда онъ имъ нуженъ—отказываетъ имъ и находитъ ненужными стипендіи и пожертвованія въ пользу ихъ. Онъ терпѣть не можетъ талантливыхъ людей изъ своихъ сослуживцевъ, всячески старается ихъ унижить и даже, безъ всякаго смущенія, присвоиваетъ себѣ чужія открытія. Поэтому своимъ близкимъ роднымъ онъ кажется «дубиной замѣчательной, которую ничѣмъ не прошибешь» и «сквернымъ, мелкимъ интриганомъ, готовымъ перегрызть горло другому, чтобы только не пустить его на свое мѣсто». Ничьего успѣха онъ не перевариваетъ, такъ какъ увѣренъ, что онъ умнѣе всѣхъ; радуется «всѣмъ существомъ своимъ», когда ему удастся перейти кому-либо поперекъ дороги. Онъ поддерживаетъ очень тонкія отношенія съ вліятельными представителями прессы и устраиваетъ такъ, что никогда никакихъ случайныхъ неслучныхъ для него отгывовъ въ печати не появлялось. Въ научныхъ хроникахъ никогда его не задѣвали, если же мимоходомъ упоминали о немъ, то съ большимъ уваженіемъ. Зато когда онъ увѣждалъ, хотя бы по частнымъ дѣламъ, на два, на три дня въ Москву, всѣ газеты торопились довести до всеобщаго свѣдѣнія, что такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ выѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Наивные читатели думали, что репортеры всегда караулятъ у поѣзда великаго ученаго и сообщаютъ о его выѣздѣ,—они и не подозрѣвали, что онъ самъ же присылалъ редактору извѣщеніе съ «всепокорнѣйшею» просьбою напечатать въ «уважаемомъ органѣ». — Когда отъ него уходитъ жена, которую онъ самъ же оттолкнулъ отъ себя своимъ пре-

небреженіемъ къ ней, онъ расходится какъ сапожникъ: бранить ее едва не площадными словами, требуетъ отъ нея назадъ свои подарки и гонить ее вонъ.

Несимпатичными чертами обрисованы въ романѣ и ученые, собравшіеся на похороны Бахарева, — ихъ мелочность, пошлость, взаимное недоброжелательство, завистничество, лицемеріе, жадность и желаніе пожить на этомъ свѣтѣ еще во что бы то ни стало.

Въ романѣ Станюковича «Жрецы» (т. е. науки) описана почти цѣлая университетская корпорація одного изъ нашихъ столичныхъ городовъ. Центральная фигура романа — профессоръ Зарѣчный, молодой еще человекъ, извѣстный ученый и писатель, талантливый ораторъ, членъ и предсѣдатель многочисленныхъ обществъ, кумиръ студентовъ, которые чуть не молятся на него, интеллигентной столичной публики и въ особенности дамъ (послѣднему, впрочемъ, не мало способствуетъ его счастливая наружность). Какъ истый либеральный интеллигентъ, онъ, конечно, находится въ оппозиціи ко всему официальному, горячо бранить тяжелыя и подлыя времена, что однако отнюдь не мѣшаетъ ему оставаться на службѣ и даже очень дорожить своимъ мѣстомъ (иначе вѣдь студенты останутся безъ талантливаго профессора) и исправно получать жалованье. На юбилейномъ же обѣдѣ одного профессора Зарѣчный заявляетъ во всеуслышаніе о неизбѣжности змѣиной мудрости, о бесполезности и вредѣ бессмысленнаго геройства и вообще о томъ, что нужно служить, даже и поступаясь своими убѣжденіями, такъ что одинъ изъ присутствующихъ за обѣдомъ выражается о рѣчи Зарѣчнаго, что содержаніе ея специально отечественное: оправданіе получки жалованья возвышенными соображеніями, а студенты упрекаютъ его въ молчаливствѣ, восхваленіи компромисса во что бы то ни стало и припоминаютъ, что онъ не то говорилъ на лекціяхъ. — Когда его бросаетъ жена, онъ, хотя безумно любить ее и даже говорить, что лишитъ себя жизни, очень быстро утѣшается въ интригѣ съ гор-

ничной. И вообще онъ человѣкъ слишкомъ чувственный и плотоядный. «Онъ, въ сущности, не дурной человѣкъ, характеризуетъ его его жена... Только любилъ фразу и разыгрывалъ героя на словахъ, когда онъ самый обыкновенный трусъ и человѣкъ двадцатаго числа»...

Другой профессоръ—Найденовъ—гордый, себялюбивый старикъ, черствый эгоистъ и интриганъ. Его никто не любитъ и всѣ отъ него сторонятся, но и самъ онъ не считаетъ нужнымъ скрывать своего презрѣнія къ своимъ коллегамъ, хотя въ глубинѣ души очень завидуетъ тѣмъ изъ нихъ, которые пользуются популярностью, и держитъ себя со всѣми надменно и высокомерно. Онъ—заслуженный профессоръ, извѣстный ученый и знатокъ своей специальности, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, благодаря своему недюжинному уму, связямъ въ административномъ петербургскомъ мірѣ и замѣчательному умѣнью приспособляться ко всякимъ вліяніямъ въ теченіе тридцатилѣтней своей службы и въ то же время не пользоваться заслуженною репутаціею совѣтъ наглаго по безпринципности человѣка. Напротивъ, онъ умѣлъ, когда нужно, быть двуликимъ Янусомъ, посмѣиваясь въ душѣ надъ каждой изъ партій, считавшей его, по временамъ, своимъ. Онъ занимался наукой и въ то же время ухитрился какъ-то устроиться при нѣсколькихъ министерствахъ, такъ что получалъ въ общемъ довольно много денегъ и, какъ говорили, имѣлъ небольшое состояніе. Читалъ онъ лекціи сухо, какъ-то нехотя, словно бы не желая спускаться съ научныхъ высотъ до уровня своихъ слушателей, и студенты посѣщали его курсъ больше по обязанности, и на лекціяхъ у него бывало не болѣе двадцати человѣкъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ Найденовъ былъ едва не самый популярный профессоръ и читалъ свои лекціи блистательно.

Въ послѣднее время Найденовъ даже пересталъ быть и Янусомъ, — не стоило — и съ нескрываемымъ цинизмомъ оплевывалъ то, чему прежде считалъ нужнымъ поклоняться,

и даже самую науку умѣлъ приспособить къ собственной карьерѣ»...

Желая составить учебникъ, онъ не прочь воспользо-ваться для этого трудомъ Зарѣчнаго, а славу автора присвоить себѣ. Желая погубить того же ненавистнаго ему Зарѣчнаго, онъ подучаетъ доцента Перелѣсова написать на него пасквиль, обѣщая за это устроить его на мѣсто Зарѣчнаго. Но когда доцентъ переусердствовалъ, и пасквиль вышелъ черезчуръ ужъ грубымъ, Найденовъ лишь обозлился на этого «болвана и идіота» за то, что онъ сдѣлалъ глупую подлость вмѣсто умной, что и высказалъ несчастному автору безъ церемоній. Авторство его обнаружилось, и онъ, въ отчаяніи, застрѣлился, а Найденовъ тщательно, хотя, впрочемъ, и безуспѣшно, старается скрыть свое участіе въ этой исторіи.

Третій профессоръ, Цвѣтницкій, хвастается во всеуслышаніе, что не подастъ Найденову руки. И только что встрѣчается съ Найденовымъ, спѣшитъ поклониться ему.— На юбилей одного изъ своихъ товарищей, профессора Косицкаго, онъ говоритъ юбиляру рѣчь, гдѣ называетъ этого добраго, но весьма практичнаго, очень дорожащаго своимъ мѣстомъ и ровно ничѣмъ не замѣчательнаго и ничего для науки не сдѣлавшаго старичка, «однимъ изъ европейскихъ ученыхъ, рѣдкимъ знатокомъ науки, гордостью города и университета и смѣлымъ борцомъ за правду» и проч. и проч., безъ конца, и все въ превосходнѣйшихъ степеняхъ безчисленныхъ хвалебныхъ прилагательныхъ, и говоритъ, что во всякомъ другомъ государствѣ такія крупныя величины, какъ онъ самъ и юбиляръ, давно уже были бы министрами. Послѣднее, впрочемъ, говорится уже подъ вліяніемъ основательной выпивки. Юбиляръ невольно приходитъ въ смущеніе отъ такого множества похвалъ, «и самъ этотъ Цвѣтницкій, съ которымъ онъ еженедѣльно винтилъ по маленькой и послѣ за ужиномъ выпивалъ бутылку дешевенькаго бѣленькаго вина, никогда не заикаясь о наукѣ, отъ которой оба они, признаться-таки, давненько

отстали, — казался ему другимъ, не настоящимъ Цвѣтницкимъ, довольно-таки прижимистымъ и практическимъ человекомъ, сумѣвшимъ получить казенную квартиру раньше, чѣмъ онъ, — возвышеннымъ и торжественнымъ и необыкновенно добрымъ».

Пасквильная статья, написанная доцентомъ Перелѣсовымъ, касалась именно юбилея Косицкаго и высмѣивала говорившихъ на юбилейномъ обѣдѣ либеральныхъ ораторовъ. Разумѣется, всѣ были возмущены грубымъ пасквилемъ, но еще болѣе — трусили. Зарѣчный, перепугавшись, ѣдетъ къ Найденову и цѣпенѣтъ отъ страха, слушая его неодобреніе своей сказанной на обѣдѣ рѣчи. «Лишь только появилась статья, какъ ужъ нѣкоторые изъ жрецовъ науки, считавшіе себя хранителями завѣтовъ Грановскаго, мало-душно каялись, что были на юбилейномъ обѣдѣ (хотя празднованіе юбилея было официально разрѣшено, и всѣ понимали, что лживость статьи внѣ сомнѣній и не можетъ возбудить недоразумѣній), а двое, болѣе трусившіе профессора, уже успѣли утромъ показаться начальству, чтобы узнать, какъ оно отнеслось къ газетной замѣткѣ, и кстати пожаловаться, что въ ней ихъ называли «либеральными проходимцами». Трусили даже и тѣ, которые не говорили рѣчей за обѣдомъ, а только присутствовали на немъ.

Одинъ изъ участниковъ обѣда созываетъ профессоровъ на общее совѣщаніе, но на это совѣщаніе является лишь человекъ десять. Наиболѣе смѣлый изъ профессоровъ, Сбруевъ, предлагаетъ напечатать коллективный протестъ, но никто не поддерживаетъ его, а Цвѣтницкій старается объяснить отказъ не трусостью, а тѣмъ, что собравшіеся не имѣютъ права говорить отъ лица всѣхъ профессоровъ. «И вретъ же старая bestia!» — пронеслось въ головѣ Сбруева.

Дальше дѣло идетъ еще хуже. Доцентъ Перелѣсовъ, когда обнаруживается его авторство, отъ отчаянія застрѣливается, а когда Найденовъ, чтобы показать, что онъ тутъ не причемъ, является на панихиду по немъ, Сбруевъ,

набравшись гражданской смѣлости, блѣдный, какъ полотно, подходитъ къ Найденову и просить его уйти. Отъ волненія и страха онъ даже не доканчиваетъ фразы. Скандалъ разрастается. Нѣкоторые изъ профессоровъ отправляются къ Найденову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое сочувствіе и выразить негодованіе по поводу выходки Сбруева, такъ какъ Найденова боятся. И къ нему поѣхали не только профессора, считавшіе его своимъ, но даже и нѣкоторые изъ считавшихъ его чужимъ». Въ числѣ послѣднихъ былъ и Цвѣтницкій.

Не мало и забавныхъ мелочей разсыяно по страницамъ повѣсти. Одинъ изъ профессоровъ не подписываетъ пріѣздившаго адреса Косицкому, такъ какъ онъ хотѣлъ подписать свою фамилію во главѣ списка, а тамъ осталось очень мало мѣста. При встрѣчахъ профессора обыкновенно цѣлуются, хотя это не мѣшаетъ имъ ругать тѣхъ, кого только что цѣловали, и т. д. «Лицемеръ и сплетникъ не хуже другихъ» — отзывается о профессорахъ жена Зарѣчнаго.

Не лучше характеризуетъ ихъ и Сбруевъ. О самомъ себѣ онъ откровенно сознается, что бываетъ храбръ только тогда, когда выпьетъ, и не рѣшается быть храбрымъ потому, что на его рукахъ мать и сестра, и онъ боится потерять казенное мѣсто. За то съ другими профессорами онъ не церемонится. «Вотъ Перелѣсовъ — разсуждаетъ онъ — не вынесъ послѣдствій своего поступка, обнаруженного передъ всѣми, и пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Ну, а мы и не замѣчаемъ этихъ противорѣчій и, если не дѣлаемъ сами крупныхъ пакостей и только, какъ Пилать, умываемъ руки при видѣ ихъ или дѣлаемъ маленькія подлости, то уже считаемъ себя порядочными людьми и надѣемся дожить до заслуженнаго профессора и отпраздновать свой юбилей, вмѣсто того, чтобы уйти, пока еще не утрачено человѣческое подобіе, если не изъ жизни, какъ ушелъ Перелѣсовъ, то хоть изъ жрецовъ... Отчего, въ самомъ дѣлѣ, мы, русскіе интеллигенты, такіе тряпки?.. По-

чему болѣе стыдливые — тряпки, а безстыжіе ужъ черезчуръ наглы?.. Откуда это отсутствіе разборчивости, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и забота только о своихъ личныхъ интересахъ? Во имя ихъ и учатся, и тратятъ массу труда, энергіи и ума. И это болѣзнь всей интеллигенціи, за рѣдкими исключеніями. Таково ужъ безвременье»..

Найденовъ жестоко вышучиваетъ Зарѣчнаго за его юбилейную рѣчь.

«Мнѣ очень понравилась въ вашей рѣчи, — съ ироніей говоритъ онъ Зарѣчному — оригинальная постановка вопроса объ истинномъ героизмѣ... Хотя вашъ взглядъ на героизмъ и разнится отъ прежнихъ вашихъ взглядовъ, но нельзя не согласиться, что новая точка зрѣнія весьма остроумна, отождествляя мирное отправленіе профессорскихъ обязанностей, при какихъ бы то ни было вѣяніяхъ, съ гражданскимъ мужествомъ. Получай жалованье, сиди смирно — и герой. И Богу свѣчка, и чорту кочерга. Ну, а мы, ретрограды, которые дѣлаемъ то же самое, но откровенно говоримъ, что дѣлаемъ это изъ-за сохраненія собственной шкуры, — конечно, подлецы. Это преостроумно и очень ловко. Можно, оставаясь такими же чиновниками, исполняющими велѣнія начальства, какъ и мы грѣшные, быть въ то же время страдальцами за правду въ глазахъ публики... Такимъ титуломъ героя, не покидавшего свое мѣсто въ теченіе тридцати лѣтъ, вы и наградили почтеннаго юбиляра, незримо возложили вѣнокъ на себя и попутно наградили геройскимъ званіемъ всѣхъ слушателей, которые тоже вѣдь геройствуютъ, мужественно не разставаясь съ своимъ жалованьемъ. Вполнѣ понимаю, что вы удостоились овацій. Ваша рѣчь ихъ вполнѣ стоила... И ваши намеки о какихъ-то маловѣрахъ и отступникахъ? Ваши экскурсіи въ область либеральныхъ фразъ?.. И кромѣ того, вѣдь съ извѣстной точки зрѣнія могли найти неприличнымъ, что правительственный чиновникъ (профессоръ), какъ студентъ перваго курса, показываетъ либеральные кукиши изъ кармана»...

И старый профессор былъ, конечно, во всемъ этомъ безусловно правъ, равно какъ и въ томъ, что находить и самый этотъ юбилей комедіей и порицаетъ эту дѣтскую игру въ оппозицію и либерализмъ. И въ самомъ дѣлѣ очень странно, чтобы не сказать болѣе, что правительственный чиновникъ, каковымъ прежде всего является всякій профессоръ, считаетъ своимъ неперемѣннымъ долгомъ, какъ бы слѣдуя какой-то модѣ, играть въ оппозицію съ тѣмъ самымъ правительствомъ, одинъ изъ органовъ котораго онъ самъ составляетъ, и тѣмъ какъ бы старается показать всѣмъ, что порядокъ вещей въ нашемъ отечествѣ таковъ, что всякій «передовой» человѣкъ неперемѣнно долженъ стать къ нему въ оппозицію.

Г. Станюковичъ одинъ изъ наиболѣе либеральныхъ нашихъ писателей, и такое осужденіе интеллигенціи (и здѣсь и въ другихъ его романахъ), такое оплеваніе даже лучшихъ людей общества, не оправдавшихъ возлагавшихся на нихъ надеждъ, показываетъ, до какого разочарованія дошли шестидесятники, начинающіе уже терять голову. Во всей профессорской корпораціи авторъ находитъ только одного прямого человѣка, Сбруева (да и тотъ человѣкъ въ своемъ родѣ исключительный: переведенъ изъ другого университета за непріятности съ ректоромъ), но и онъ, какъ самъ признается, становится храбръ только когда выпьетъ, потому что боится потерять казенное мѣсто и жалованье, такъ какъ на его рукахъ мать и сестра.

Не въ лучшемъ свѣтѣ изображенъ и отставной профессоръ Стрижовъ въ романѣ Потапенко «Встрѣча». «Въ прежнее время онъ занималъ кафедру въ университетѣ, но какая-то исторія, довольно, впрочемъ, незначительная, въ которой онъ не сумѣлъ удержать языкъ за зубами и выразилъ сочувствіе не тому, кому слѣдовало, заставила его уступить свою кафедру болѣе сдержанному преемнику, и онъ съ тѣхъ поръ читалъ лекціи только въ одномъ спеціальномъ заведеніи и писалъ статьи въ журналахъ... Съ неудавшейся ученой карьерой, слегка заподозрѣнный, онъ

въ то же время сумѣлъ сохранить наилучшія отношенія съ тѣми самыми сферами, гдѣ его заподозрили и сами не вѣрили своимъ подозрѣніямъ, которыя не мѣшали ему исправно получать чины, награды, командировки, съ видомъ богемы, съ репутаціей чудака... Вообще Стрижовъ совсѣмъ не походилъ на птицу небесную. Онъ преисправно и сбѣялъ, и пожиналъ, и собиралъ въ житницу, такъ что успѣлъ купить трехъэтажный домикъ, хотя и говорилъ всѣмъ завѣдомую неправду, будто домъ этотъ онъ купилъ въ долгъ. «Этому сильно способствовала его особая способность выхлопатывать себѣ научныя командировки. Не было ни одного лѣта, чтобы онъ не съѣздилъ куда-нибудь на казенный счетъ съ научной цѣлью. Ѣздилъ онъ и къ Новороссійскимъ курганамъ, въ которыхъ, впрочемъ, онъ ни до чего не докопался, Ѣздилъ и къ Бѣлому морю, посѣщалъ и Помпею, и Аѳины, и Малую Азію. Ѣздилъ онъ экономно, и отъ этихъ командировокъ ему всегда что-нибудь оставалось. Въ результатъ явился домъ и, слѣдовательно, помимо пенсіи—обезпеченная старость... Но Стрижовъ не любилъ, чтобы знали его денежные дѣла, всегда изображалъ изъ себя бѣдняка, оставляя себѣ лазейку, чтобы имѣть право жаловаться на судьбу, причислять себя къ пострадавшимъ и называть себя жертвой. Это было его слабое мѣсто, къ которому не слѣдовало прикасаться». Онъ очень любитъ выпить, и, изрядно подвыпивъ,—а это съ нимъ случалось часто, — выкрикивалъ громкимъ голосомъ, съ жестами, рѣчи весьма ординарнаго содержанія, гдѣ по большей части прославлялъ «ту великую эпоху (шестидесятые годы), которая, какъ яркое лѣтнее солнце, освѣтила и согрѣла нашу многострадальную землю... говорилъ, что солнце прошло по небу и закатилось, и наступила темная ночь, и вотъ они немногіе, можетъ быть, всего только трое (онъ и два его пріятеля), — печальные остатки великой эпохи, бродятъ, какъ тѣни, нигдѣ не встрѣчая отклика и пр. и пр.» И при этомъ онъ требовалъ, чтобы всѣ его слушали. Между прочимъ, онъ заявляетъ

своимъ пріятелямъ, что онъ хочетъ баллотироваться въ гласные.

— «Надо же,—кричитъ онъ,—чтобы кто-нибудь занялся очисткой этихъ авгіевыхъ конюшенъ! Помилуйте, тамъ все какіе-то брюхачи сидятъ. Каждый изъ нихъ думаетъ только о благоустройствѣ своей улицы и исправности фонаря, который горитъ около его дома! Надо, чтобы наша братія—интеллигенція—проникала туда!.. Меня еще въ члены управы выберутъ!..»

— «А сколько полагается жалованья члену управы?—спрашиваетъ его одинъ изъ пріятелей, позволявшій себѣ слегка подшучивать надъ пристрастіемъ Стрижова къ разнаго рода окладамъ, пенсіямъ и прогоннымъ деньгамъ.

— «Да что-то тамъ такое отъ пяти до шести тысячъ, да еще разъѣздные... умышленно небрежнымъ тономъ отвѣчаетъ Стрижовъ, отлично знающій дѣйствительную цифру жалованья.

«А этотъ профессоръ съ длинными волосами,—говоритъ о немъ хорошо знающій его студентъ,—мѣтящій въ высокія сферы и сдѣлавшій своимъ конькомъ затрапезныя рѣчи... Когда подають шампанское, онъ встаетъ и начинаетъ деревяннымъ голосомъ жевать бездарную жвачку и жуетъ ее полчаса... Но вотъ онъ чувствуетъ, что пора кончить, тогда онъ призываетъ на помощь два десятка честныхъ словъ, всегда готовыхъ къ его услугамъ, возвышаетъ голосъ, выпаливаетъ ихъ съ поддѣльнымъ жаромъ, искусственно выпучиваетъ глаза въ знакъ энтузіазма и бессмысленно выкрикиваетъ: честность, трудъ, поколѣніе борцовъ, права человѣка! И бьетъ себя въ грудь и на стѣну лѣзетъ... И ему кричатъ ура, аплодируютъ, онъ всѣмъ протягиваетъ губы въ знакъ братства народовъ... Со всѣми цѣлуется. А въ то же время лазаетъ по канцеляріямъ, выхлопатываетъ себѣ разныя льготныя пенсіи и устраиваетъ свои дѣлишки»...

Въ такомъ же свѣтѣ выставленъ и профессоръ Серебряковъ въ комедіи г. Чехова «Дядя Ваня». Онъ постоянно

говорить либеральныя слова и фразы, но это не мѣшаетъ ему заѣдать чужую жизнь и даже не одну, пользоваться чужими трудами и даже пытаться присвоить себѣ чужое имѣніе.

Еще одинъ типъ. Въ повѣсти г-жи Вербицкой «Освободилась» выводится знаменитый врачъ-акушеръ Мельгуновъ. Онъ зарабатываетъ своею практикой десятки тысячъ и, держа родильный пріютъ, безъ стѣсненія обираетъ секретныхъ роженицъ. Изъ всѣхъ силъ заботится онъ о поддержаніи связей, знакомствъ и т. п. и въ то же время жену свою, которой всѣмъ обязанъ, держитъ въ черномъ тѣлѣ, попрекаетъ ее и каждою копейкой и ея бѣдными родными, и имѣетъ интригу на сторонѣ...

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).